

Маша Трауб

”

В книгах Маши Трауб уютно, как дома.

– Александр Снегирев

Замочная
скважина

Многие радных лет

Маша Трауб
Замочная скважина

«ЭКСМО»

2012

Трауб М.

Замочная скважина / М. Трауб — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-58506-9

Я приехала в дом, в котором выросла. Долго пыталась открыть дверь, ковыряясь ключами в дверных замках. «А вы кто?» – спросила у меня соседка, выносившая ведро. «Я здесь живу. Жила», – ответила я. «С кем ты разговариваешь?» – выглянула из-за двери пожилая женщина и тяжело поднялась на пролет. «Ты Маша? Дочка Ольги?» – спросила она меня. Я кивнула. Здесь меня узнают всегда, сколько бы лет ни прошло. Соседи. Они напомнят тебе то, что ты давно забыл. Маша Трауб

ISBN 978-5-699-58506-9

© Трауб М., 2012

© Эксмо, 2012

Маша Трауб

Замочная скважина

Серые однотипные девятиэтажки. Три дома вдоль, один – поперек, три дома вдоль, один – поперек. Напротив – такие же однотипные двухэтажные здания детских садов. Видимо, по задумке архитектора, все новоселы должны были размножаться как кролики, чтобы заполнить чадами такую концентрацию детских учреждений на одной отдельно взятой улице. И в каждой детсадовской группе – обязательно попугайчик в клетке и аквариум с рыбками, а иногда и черепаха, цветок алое на столе у воспитательницы – панацея от всех болезней, фикус в большой кадке, выюнки по стене и зеленая пластмассовая лейка на подоконнике.

И еще в каждой группе – кладовка для хранения раскладушек. В эту кладовку – прибежище и пристанище не только раскладушек, но и нянечки, воспитательница обещала отправить непослушных детей. Рано или поздно каждый там оказывался. В детях воспитывали не только любовь к Родине, но и страх перед замкнутым пространством. Несколько поколений покрывались липким потом и остро начинали чувствовать мочевого пузыря, оказываясь в темной затхлой комнатухе.

Дорога, разделявшая безликие дома и яркие детские садики с расписными верандами, была слишком узкой. Она так и осталась разбитой и всклокоченной с момента строительства. Где-то в ее начале навечно врос в землю каток. Он был такой же достопримечательностью улицы, как и мусорка – три огромных контейнера, которые стояли между детскими садами, втиснувшись в крошечный аппендикс. Почему-то считалось, что детские сады до мусорки – лучше тех, что после, и молодые мамы, сворачивавшие после мусорки налево, более счастливы, чем те, кто сворачивал направо. Пусть хоть в этой мелочи они были успешнее соседок. Мету успеха определяла эта мусорка.

Улица имела свой собственный запах – подгоревшей манной каши, гнилых отходов жизнедеятельности, женского тела, взмыленного уже с раннего утра, и младенческой сладости. Особенно остро эта какофония ароматов ощущалась напротив здания ясель, куда отдавали детей с года. Можно было застыть за забором, сделать глубокий вдох и долго кашлять после этого – запах хлорки, которой мыли детские горшки, заглушал, забивал все остальные.

В конце улицы, примыкая вплотную к последней веранде с ядрено-красными божьими коровками по бокам, стояла четырехэтажная детская поликлиника. Все маленькие воспитанники были обречены на ее посещение. Все ходили к одним и тем же врачам, сидели на одних и тех же неудобных банкетках, рассматривали рисунки и наклейки, которыми мамы украшали объемные медицинские карты, практически талмуды, и срывались с места в неудачной попытке добежать до стены, на которой был нарисован дуб зеленый со златою цепью. Кот ученый у художника не получился – все младенцы, которых мамы подносили к стене показать «котика», начинали орать. Детей постарше одергивали и усаживали назад, на банкетку.

По утрам – особенно это было заметно зимой – в окнах домов появлялись женские силуэты. Понурые сонные дети, уже перешедшие в среднюю или старшую группу, шли сами, без сопровождения, – так было заведено не пойми кем. Они текли по улице стройным ручейком, растекаясь по детским садам и группам. Мама, которые в это время плевали в коробочку с тушью, красили ресницы, собираясь на «службу», отрывались от своего занятия и смотрели, как на втором этаже появлялась голова ребенка. Вот он садится за стол, ест манную кашу. Все хорошо. Утро наступило.

Мало кто провожал детей старше пяти лет в садик – разве что в семье имелась бабушка. Но это было редкостью и роскошью. Непозволительной. Да и зачем провожать? Все сами ходят. Мимо катка, который так и не выполнил свою функцию – не раскатал асфальт, мимо мусорки. Совсем рядом. Очень удобно. И из окна видно.

Мамы в последний раз яростно сплевывали в коробочку с тушью, настраиваясь на новый день, и выплескивались из квартир новым потоком. Бежали на каблуках – а как же иначе – на автобусную остановку, единственную на весь новый район, в единственный автобус, который вез до метро, или на станцию электрички, что, конечно, дальше – пятнадцать минут почти бегом, рысью, – но надежнее. Толкались, впихивались, втискивались. И уже там, вцепившись в перекладину, думали о том, как в перерыв сбежать в магазин, купить что-нибудь на ужин, или уже вечером – за картошкой. В каждой дамской сумочке – старая авоська. А еще в ремонт обуви заскочить – сапоги сдать, благо будка, конура размером с туалет, приткнулась рядом с автобусной остановкой. Работали там отец и сын, похожие друг на друга как две капли воды. Отец замечательно ставил набойки, а сын продавал полустгнившие шнурки, которые быстро рвались. И гуталин всегда был засохший. Но сыну прощали шнурки ради набоек, которые ставил его отец – тот из любых туфель мог сделать башмачок для Золушки.

Сколько на этой раздолбанной улице было сломано каблуков! Сколько детских коленок разбито! Сколько колес от колясок и велосипедов отвалилось и было безвозвратно утеряно!

Молодые мамы, приноровившись, примерившись, шли с закрытыми глазами. Здесь обойти – вечная лужа. Здесь объехать – колдобина. Здесь – бордюра нет, можно заехать, не опрокидывая коляску навзничь. Даже дети топали, обходя колодцы – туда можно и провалиться, крышка всегда сдвинута. Один раз доставали Славика из старшей группы, один раз Наташу из средней. Славик ладно, а Наташа пальто испачкала и порвала. Мама накричала и по попе надавала, так что лучше обойти. К помойке подходить нельзя – там крысы, их все дети видели: бегают, вышмыгивают, большие, наглые. Дети этого района дружно боялись крыс и, когда в садиках воспитательницы читали сказку про Щелкунчика, вжимались в маленькие стульчики, расписанные рябиновыми гроздьями. Да, точно есть крысиное царство – в это верили абсолютно все.

И к катку нельзя подходить – Рекс укусит. Рекс – местная бродячая собака, жившая под машиной. Говорили, что ее бросили вместе с катком, и она ждала, когда ее заберут. Рекс был злой, на всех лаял, но одновременно добрый, с застенчивыми, в слезах глазами. Как будто он всю ночь плакал, когда его никто под машиной не видел.

* * *

Танюше все завидовали. Ее в садик водила старшая сестра – уже совсем взрослая, во втором классе учится. Доходила с ней до самых ворот и бежала в школу. А забирала мама. Всегда вовремя. Не то что некоторые родительницы, которые задерживались на службе, и на них ругалась воспитательница. Воспитательниц тоже можно понять – еще в магазин, суп на завтра сварить, подзатыльников своим собственным детям надавать, а надо сидеть, ждать, когда мамаша, цокая каблуками со стертymi набойками, загнанная, как полковая лошадь, прискачет.

Эти дети, маленькие жители нового района, были обречены на фобии. Помимо клаустрофобии и земмифобии (конечно, тогда этого слова никто не знал, и боязнь крыс считалась не болезнью, а скорее, излишней изнеженностью, избалованностью), был еще один страх, самый сильный, самый глубокий и мучительный – остаться одному на веранде садика или на скамеечке, смотреть на ворота и гадать, придет ли мама. А если не придет? А если воспитательница тоже уйдет и оставит одного? А если мама забыла? Или бросила?

– Ну что, тебя опять бросили? – спрашивала воспитательница у стоящего столбиком ребенка.

И это «опять» было хуже, чем кладовка и крысы.

Танюша была счастливой девочкой. Ее никогда не бросали, мама забирала ее одной из первых. К тому же у нее были зимние сапоги, пальто, фломастеры и пластилин – осталось от старшей сестры. Ей, конечно, все завидовали. Еще ни у кого пластилина нет, родительницы

забыли купить, замотались, а у Танюши есть, почти полная, нетронутая коробочка. И ножичек специальный, чтобы резать. И полотенце у нее не такое, как у всех, а особенное, с вышитым именем – Светланка. Тоже от старшей сестры. Сколько раз воспитательница просила родителей нашить метки на полотенца! Половина не нашили. А у Танюши все уже есть. Ну и что, что написано «Светланка»? Все же знают, что это сестра. Главное, что все так, как требуется, и всегда вовремя.

Танюшу всегда ставили в пример – и косы у нее самые аккуратные, заплетенные так туго, что даже после тихого часа не расплетаются, и банты коричневые, строгие, и платье выглаженное, хоть и не новое, и колготочки на смену есть. Танюша знала, чувствовала свою значимость и исключительность. Девочка была примерная, образцово-показательная. Некрасивая, правда, но это и хорошо. Зачем девочке яркая красота? Не нужна совсем. Куда она с этой красотой? Кто ее увидит? Кто оценит? Лучше уж такая: с носиком длинноватым, с ушками торчащими. Не страшенькая ведь – девочка как девочка. И сестра у нее такая же – умница. Воспитательницы Светланку часто вспоминали: посадишь рисовать – будет сидеть, пока не позовут. И мишки пластилиновые у нее лучше, чем у всех, получались, всегда на шкафчике в качестве образца стояли.

Танюша ходила в садик «до мусорки» и жила в первой от поворота девятиэтажке, на пятом этаже, в двухкомнатной квартире, со старшей сестрой Светланкой и мамой Ольгой Петровной, работавшей библиотекарем в одной из центральных библиотек города. Ольга Петровна болела. Светланка и Танюша не знали чем, просто принимали как должное. Болеет и болеет. Папы у них не было, и это тоже не обсуждалось, как и мамина болезнь, – нет и нет. Тогда у многих детей пап не было. А у Наташи, которая в колодез свалилась, не только папа был, но и две бабушки и два дедушки. Так вот, считалось, что это вроде как ненормально. Зачем одной девочке столько родных? И все ей одной! Наташу, которую и отводили, и забирали, и даже папа приходил забирать, не любили ни дети, ни воспитательница. И даже радовались, что она пальто порвала. Так ей и надо. Чтобы не зазнавалась.

– Как мама? – спрашивала по утрам у Светланки соседка со второго этажа, тетя Рая. Тетя Рая бежала в поликлинику, где работала медсестрой, а Светланка вела Танюшу в садик, а потом бежала в школу.

– Спасибо, хорошо, – вежливо отвечала Светланка.

Танюша удивлялась – мама не кашляла, не сморкалась и выглядела совсем здоровой. Но при ней было запрещено шуметь, кричать или капризничать, потому что маме нельзя было нервничать, от этого у нее начинала болеть голова.

Иногда они шли в садик втроем – тетя Рая отдавала Светланке свою дочку Маринку. Танюша хоть и ходила в одну группу с Маринкой, но девочки не дружили, поэтому до садика шли молча и быстрее обычного.

Когда в лифт заходил Валерка, сын тети Лиды с восьмого этажа, Танюша крепко сжимала Светланкину ладонь. Валерка был ровесником Светланки – они учились в параллельных классах, и Танюша была в него тайно влюблена. Она старалась скрыть свои чувства и поэтому молчала как партизан и, не моргая, рассматривала кнопки лифта, которые Валерка регулярно подпаливал спичками.

По дороге из садика домой Ольга Петровна с Танюшей заворачивали к булочной, чтобы купить хлеба и иногда пирожное или булочку, обсыпанную сахаром.

– Здравствуйте, Олечка.

– Здравствуйте, Израиль Ильич. – В очереди в булочной (Ольга Петровна говорила «булошной» и требовала, чтобы девочки тоже так говорили) они почти всегда сталкивались с соседом с шестого этажа. Танюше он очень нравился. Израиль Ильич смотрел на нее и хитро улыбался, даже подмигивал, иногда корчил смешные рожицы. Он был музыкант, и Танюша слышала, как он играет по вечерам на пианино. Маме это не всегда нравилось, у нее начинала

болеть голова, а Танюша сидела в своей комнате и слушала музыку. Израиль Ильич играл в оркестре, и однажды мама водила ее на концерт – он же и дал им билеты. Жена Израиля Ильича Тамара Павловна тоже была музыкантом. Играла на скрипке. Танюша дома ее никогда не слышала – наверное, Тамара Павловна играла днем, когда она была в садике.

Танюша знала, что мама не очень любит соседей сверху, несмотря на подаренные билеты и даже пригласительный на одно новогоднее представление, которое ей очень понравилось. Но маме почти никто из соседей не нравился. Тетю Раю, которая угощала Светланку и Танюшу баранками, она считала простоватой, а маму Валерки, тетю Лиду, – слишком вызывающей, «дамочкой с гонором».

Танюша редко видела тетю Лиду. Обычно она ее замечала, когда качалась на качелях около дома. Мама разрешала ей по вечерам, по дороге из садика домой, покачаться пять минут. Лида возвращалась с работы. Она никогда не ездила на автобусе – только на такси. Лида ходила на таких каблуках, от которых не только у Танюши и Светланки открывались рты, и носила такие красивые шарфики, что дух захватывало. Лида была удивительной красавицей. Танюша мечтала, что, когда вырастет, у нее тоже будут такие белые волосы, закрученные на бигуди. А Светланка мечтала о такой дубленке, как у тети Лиды – длинной, с мехом. Ни у кого в подъезде такой не было.

Танюше очень хотелось, чтобы ее мамой была тетя Лида – такая красивая и нарядная.

– Здравствуйте, – вежливо здоровалась Лида, выпархивая из такси.

– Здравствуйте, – отвечала сквозь зубы Танюшина мама и отворачивалась, начиная раскачивать качели, чего Танюша терпеть не могла. У нее сразу начинала кружиться голова.

– Мам, почему ты тетю Лиду не любишь? – спросила однажды Танюша.

– А с чего мне ее любить или не любить? – удивилась Ольга Петровна, – Мне все равно.

– Почему она тебе не нравится? Ты ей завидуешь? – настаивала Танюша.

– С чего ты взяла? – Мама сдвинула брови.

– Я вот не люблю Маринку, потому что она зазнайка и считает себя самой красивой.

Так и воспитательница про нее сказала, что она самая красивая девочка в группе. А мне она сказала, что я ей завидую, поэтому и не дружу и карандаши свои не даю. Это правда. Я ведь не такая красивая, как Маринка, вот и не дружу с ней.

– Глупости. Что ты ерунду городишь? – рассердилась Ольга Петровна. – Красота должна быть внутри, а не снаружи!

– Ты тоже красивая, хоть и не такая, как тетя Лида, – решила сказать приятное Танюша.

– Сначала думай, а потом говори. Все, слезай, пора домой, – оборвала ее Ольга Петровна.

– Это потому что тетя Лида одевается красиво? Да? Не как ты? – помолчав, спросила Танюша.

– Господи, что ж ты меня доводишь сегодня? – рассердилась Ольга Петровна. – Ты специально, что ли? Ты же знаешь, что мне плохо! У меня голова раскалывается!

– Прости, мамочка, – промямлила Танюша.

* * *

Подъезд, выкрашенный до половины стены в ядовито-зеленый цвет, жил своей жизнью. Танюша любила вставать к стене, за что ее ругала мама, потому что стена была грязной, и мерить свой рост. Она еще не дотягивала до края зелени.

– Не выношу этот запах! – каждый день говорила Ольга Петровна.

– Что вы хотите? – поддерживала разговор Тамара Павловна. – Дом новый, краска свежая. Еще год будет выветриваться.

– Невозможно... – тихо стонала Ольга Петровна. – Таня, не прислоняйся к стене, сто раз тебе говорила!

– И кто опять кнопки подпалил? – ахала Тамара Павловна в лифте.
– Валерка, Лидкин сын, кто же еще? – отвечала Ольга Петровна.
– Такой мальчик приличный с виду, – удивлялась Тамара Павловна.
– Все они с виду приличные, – поджимала губы Ольга Петровна.
– Ну что вы! У мальчика просто такой возраст. У нас ведь тоже сын, он такое вытворял в детстве! Совершенно неуправляемый ребенок был! А сейчас консерваторию оканчивает! Женился уже, – с гордостью как-то сказала Тамара Павловна.

«Не знала, что у них ребенок есть, – удивилась про себя Ольга Петровна. – Думала, одна музыка в голове. Что за сын? К родителям даже не приезжает. Ни разу его не видела...»

– Светланка, мы дома! – крикнула она уже в квартире. – Ты поела? Уроки сделала?

– Да, мам, – ответила из комнаты Светланка.

– Присмотри за сестрой. Я пойду лягу. Мне нездоровится.

– Хорошо, мам.

Светланка что-то писала в своей анкете – тетрадке, которая передавалась от одной девочки к другой, чтобы они честно ответили на вопросы: любимый герой, любимая книга, кто тебе нравится из класса, кого ты ненавидишь, на кого хочешь быть похожим?

Она дала Танюше альбом и карандаши и велела сидеть тихо.

– А почему мама такая сердитая? – спросила Танюша у сестры.

– Потому что она болеет, – ответила Светланка.

– О господи, опять они свою шарманку завели! – закричала из комнаты мама. – Что ж так с соседями не повезло?

Наверху Израиль Ильич сел за рояль. Танюша стала прислушиваться к звукам. Даже Светланка отвлеклась от своей анкеты и уставилась в потолок. Израиль Ильич играл очень грустную мелодию.

– Повеситься можно от их музыки! – подала голос из комнаты мама.

Через час она уже била шваброй по батарее. После третьего стука музыка смолкла.

– Наконец-то! – выдохнула мама. – Девочки, ложитесь спать!

– Да, мамочка, – крикнула Светланка, продолжая писать в анкете и улыбаясь сестре.

Танюша не хотела расстраивать маму, послушно надела пижаму и легла в кровать.

– А чем мама болеет? – спросила она Светланку.

– Не знаю, – ответила та, аккуратно выписывая в анкете имена тех мальчиков, с кем ни за что не стала бы «дружить».

На следующий день вечером Танюша с мамой и Израилем Ильичом возвращались домой из садика через булочную. Израиль Ильич корчил смешные рожицы и тайно, чтобы не видела Ольга Петровна, сунул Танюше конфету, которую та быстро спрятала в кармашек. Он подмигнул ей одним глазом, и Танюша хотела подмигнуть в ответ, но не смогла. Не умела. Она начала тренироваться, чтобы тоже уметь так подмигивать одним глазом.

– Что у тебя с лицом? – строго спросила Ольга Петровна, посмотрев на дочь.

– Ничего, – ответила Танюша, а Израиль Ильич прыснул от смеха, едва сдержавшись, чтобы не расхохотаться в голос.

– Кто это, интересно? – спросила Ольга Петровна, отвлекшись от дочери.

– Новые жильцы, – ответил Израиль Ильич.

У подъезда стояла машина, из которой грузчики выносили коробки и сумки.

– Хоть бы оказались тихими и порядочными людьми, – сказала с явным намеком Ольга Петровна.

– Ну тишины не ждите. Ремонт начнут делать, – отозвался без всякой обиды Израиль Ильич.

– Я не выдержу.

– А куда вы денетесь?.. Людей тоже можно понять. Вряд ли они захотят жить в крашенных стенах. Вы же помните, в какие стены мы въехали?

– Помню... Кошмар какой-то. А сколько я за обоями бегала, пока достала!

– И не вспоминайте! А унитаз? Помните, какие здесь стояли унитазы?

– У меня до сих пор такой стоит, – обиделась Ольга Петровна. – Помыла, почистила – и ничего. Не всем же унитазы дают по благу.

– Какой благу? Мы в очереди три месяца стояли! – всплеснул руками Израиль Ильич.

– Я тоже стояла, но мне же не дали! – Ольга Петровна развернулась на триста шестьдесят градусов и за руку поволокла Танюшу на качели, хотя та совсем не хотела качаться, а хотела посмотреть на новых соседей. Ольга Петровна начала с силой ее раскачивать, так что Танюша зажмурилась от страха.

– Говорят, к нам балерина приехала. Из Большого театра! Вы ее уже видели? – подошли на площадку тетя Рая с Маринкой.

– Танюша, подвинься, – велела Ольга Петровна.

Танюша нехотя пододвинулась, давая сесть Маринке.

– Наверняка сплетни. Уж прямо из Большого? А чего ж она к нам, в наш район? – удивилась Ольга Петровна.

– Не знаю, – пожала плечами тетя Рая.

– Наверняка какая-нибудь танцулька из ансамбля народного танца.

– А я любила в молодости танцевать. Два года занималась, – проговорила тетя Рая.

– Лишь бы новые соседи были порядочные и тихие, – вздохнула Ольга Петровна. – Хотя если балерина, то покоя не жди. Эти творческие люди... Спят до обеда, гуляют до утра. Живут, как хотят, как им нравится, на других им наплевать. А я в девять вечера должна спать лечь. У меня дикие головные боли. Мне каждый звук как железом по стеклу. Я прямо взрываюсь.

– Это мигрень у вас, – сказала тетя Рая.

– Я же не о себе думаю, а о девочках. Им вставать рано, режим, а они должны засыпать под эти концерты! Нет, я с уважением отношусь к любым профессиям, но можно ведь играть на работе! С девяти до шести – пожалуйста! Зачем дома-то? Вот у нас в библиотеку тоже приходят разные люди... Есть такие, что просто диву даешься. Как у себя в квартире – разговаривают в полный голос, сидят развалившись. Никакого уважения.

– Это вы правильно сказали, – поддержала тетя Рая. – Сейчас с уважением плохо. Особенно у молодежи.

– И не говорите!

– Мам, пойдем домой, я накачалась. – Танюша спрыгнула с качелей, на которых немедленно расселась довольная Маринка – она выпихивала Танюшу с сиденья, пока мамы были заняты разговором.

– А к нам балерина настоящая приехала, – придя домой, сказала Танюша Светланке.

– Врешь!

– Правда. Из театра.

– Ты ее видела?

– Нет. А мама говорит, что она не из театра, а из народа. И что танцулька, а не балерина. Весь вечер девочки шепотом обсуждали, какая должна быть балерина. Светланка говорила, что красивая и с длинными ресницами, в блестящей короткой юбке и с короной на голове.

Светланка один раз была в театре на балете и поэтому говорила со знанием дела. Танюша слушала ее и боялась даже дышать от восторга.

– Вот бы на нее посмотреть, – сказала Танюша.

– Да. Хоть одним глазком, – ответила Светланка. – Интересно, а как она на носочках будет на остановку ходить?

– Почему на носочках?

– Все балерины ходят на носочках. У них походка такая. Вот так. – Светланка спрыгнула с кровати и начала ходить по комнате. Танюша захохотала, потому что сестра смешно вихляла попой, качалась и падала. – Вот так, – повторила Светланка. – Красиво, правда? У них еще туфли специальные, с лентами вокруг ноги. Только я не помню, как они называются.

– И корона на голове?

– А как же! Настоящая корона!

Следующим утром, когда Танюша со Светланкой выходили из подъезда, на них бросилась маленькая собачка. Она лаяла, дрожала всем тельцем и вот-вот готова была укусить.

– Дезка, фу, я сказала! – окликнула собаку маленькая, ростом чуть выше Светланки, женщина. Она была очень похожа на свою собачонку – такая же злая, с выпученными глазками, кривыми ножками и всклокоченная.

– Здравсте, – пискнула Светланка.

– Здравсте, – недобро ответила женщина.

– Кто это? – тихо спросила Танюша.

– Не знаю, – ответила Светланка.

– Дезка, домой! – крикнула женщина.

Они зашли в подъезд, а Светланка крепко сжала ладошку Танюши, и они побежали в садик.

Вечером около подъезда собрались почти все соседи.

– Что за демонстрация? – подошел из булочной Израиль Ильич.

– Соседка ремонт затеяла. Зеркалами комнату обвешивает и палку к стене прикручивает, – доложила тетя Рая.

– Я так и знала! – воскликнула Ольга Петровна. – Никогда покоя не будет! Надо ограничить ей время. Пусть ремонтирует, когда все на работе. Не раньше десяти утра и не позже шести вечера. Нет, лучше пяти.

– Ха, если бы от нее это зависело. Вы же знаете, эти рабочие если выпьют, то к четырем только с обеда приходят. А еще перекуры, – вмешался Израиль Ильич.

– Но человека можно понять – въехала в новую квартиру, хочет, чтобы красиво было, – незлобиво заметила тетя Рая.

– А зачем ей зеркала и палка? – спросила Ольга Петровна.

– Так она ж балерина! – ахнула тетя Рая. – Говорят, им без зеркалов и палки никак нельзя.

– Палка называется станок, – пояснил Израиль Ильич, – рабочий инструмент.

– И эта шмакодявка старая – балерина? – ахнула Ольга Петровна. – Ее собака сегодня на моих девочек напала и чуть не покусала!

– Она ж, наверное, не ест ничего, – задумчиво проговорила тетя Рая. – Им же нельзя даже поесть по-человечески.

– Это очень тяжелый труд, – сказал Израиль Ильич.

– А у кого легкий? У нас легкий? – возмутилась Ольга Петровна. – Или, вон, у Райки легкий?

– Не сердитесь, Ольга Петровна, как вы себя чувствуете, кстати? – пошел на попятную Израиль Ильич.

– Как я могу себя чувствовать? – махнула рукой Ольга Петровна. – Ни вдохнуть спокойно, ни выдохнуть. Танюша, пошли. Мало того, что над головой бренчат, так еще внизу топтать будут, – бурчала она уже в лифте.

Танюша стояла и боялась поднять глаза.

– Светланка, мы дома! – крикнула Ольга Петровна, когда они вошли в квартиру. – Ты ела, уроки сделала?

– Да, мам.

– Посмотри за сестрой. Я пойду лягу.

Танюша ворвалась в комнату, подскочила к сестре и начала шептать ей, прикрыв ухо ладонями, чтобы никто не слышал.

– Не слюнявь меня. Я не понимаю, что ты говоришь, – отмахнулась от сестры Светланка.

– Та женщина с собакой, она и есть балерина! – выдохнула Танюша.

– Кто тебе сказал? – оторвалась от своей анкеты Светланка.

– На улице слышала. Все говорили. Она палку и зеркала будет дома вешать.

– Палку? Ты ничего не перепутала?

– Не помню. Но она точно балерина!

– Не может быть. Балерины такими не бывают. Ты еще маленькая. Ничего не поняла.

– Вот и все я поняла!

– Не поняла.

– Поняла! Хочешь, у мамы спроси!

Танюша знала, что беспокоить маму Светланка не решится.

– Вот бы посмотреть на такую комнату... – мечтательно протянула Танюша.

– Как ты помотришь? Не придешь ведь и не скажешь – дайте комнату посмотреть, – отозвалась Светланка.

– А если сказать, что мама за солью послала или за мукой?

– Мама узнает. Нам попадет.

* * *

Танюша почти забыла о своем желании посмотреть волшебную комнату балерины. Из разговоров взрослых она узнала, что та повесила на стену всего одно зеркало, да и то треснувшее – грузчики разбились. А палку так и не поставили.

Нет, была еще одна новость. Балерину звали Муза.

– Какое красивое имя! – ахнула Светланка.

– Дурацкое имя, – ответила Ольга Петровна. – И кличка у ее собаки дурацкая. Дездемона! Все с претензией, все такие непростые, прямо куда деваться! Не подойдешь!

– Да, мамочка, – привычно согласилась Светланка.

Еще одним потрясением для сестер стало то, что прекрасная балерина оказалась очень злой и страшной. В смысле, совсем некрасивой. Не то что тетя Лида. Даже страшнее тети Раи. И на носочках балерина не бегала. Выходила гулять с собакой в стоптанных тапочках. А ноги ставила некрасиво, как будто у нее косолапость в обратную сторону, наружу.

* * *

Все соседи были добрыми. Израиль Ильич угощал девочек карамельками, а его жена Тамара Павловна всегда приветливо улыбалась и хвалила то бантики Танюши, то платье Светланки. Она всегда давала и сахар, и муку, если мама затевала пирог и посылала одну из сестер к соседке за недостающим продуктом.

Тетя Рая тоже была добрая, правда, ее Маринку Танюша терпеть не могла. Тетя Рая иногда забирала Танюшу из садика, когда Ольга Петровна задерживалась на работе, и разрешала подольше покачаться на качелях перед домом, но эти лишние минуты не приносили Танюше радости – она должна была терпеть Маринку, которая елозила по качелям и сдвигала ее почти к самой перекладине, так, что она чуть не падала. К тому же Маринка любила качаться сильно, а Танюша – медленно. Тетя Рая же раскачивала сильно, и Танюша умирала от страха.

Даже красавица тетя Лида была доброй, хоть Ольга Петровна ее на дух не выносила. Лида однажды подарила Светланке свой шарфик, а Танюше на Новый год – красивые ленты.

И только балерина Муза была злой. Она кричала на детей за то, что те слишком громко разговаривали, ругалась по пустякам с соседями. Однажды ей показалось, что тетя Рая ее залила. Она пришла к соседке всклокоченная, со смешной повязкой на голове и начала кричать, что та устроила в ее квартире потоп. Тетя Рая ахнула, побежала в ванную, на кухню, но вода везде была выключена. Муза потребовала, чтобы Рая спустилась к ней и сама убедилась в том, что у нее с потолка льется вода. Тетя Рая вытерла руки о фартук и спустилась.

Когда они зашли в квартиру, которая была заставлена тазиками, кастрюлями, а весь пол был уложен тряпками, Муза опять начала кричать, что тетя Рая будет делать у нее новый ремонт. Тетя Рая стояла и смотрела то на потолок, то на Музу. Квартира была совершенно сухая. Кастрюли стояли пустые. С потолка ничего не лилось.

– Тут же сухо, – сказала тетя Рая.

– Где сухо? Да я сейчас милицию вызову! – верещала Муза.

– Может, мы соседей позовем, пусть они скажут, – осторожно предложила тетя Рая, глядя на Музу с подозрением. Как медсестра, пусть не врач, но все-таки человек с медицинским образованием, тетя Рая быстро сообразила, что к чему: у балерины явно проблемы с головой, и зрачки странные, и поведение. Но тетя Рая быстро себя одернула – кто она такая, чтобы ставить диагнозы.

– Зови! – воскликнула балерина.

Тетя Рая прошлась по соседям и позвала всех к Музе. Так сбылась мечта Танюши – она попала в квартиру балерины. Она пошла за мамой, а та в суматохе не оставила ее дома. Остальные дети тоже были тут – сбежались на приключение.

Танюшу поразила не столько квартира – квартира как квартира, самая обычная, и зеркало оказалось не такое огромное, как она себе навоображала, и вообще оно было посередине треснувшее, – сколько сама Муза. А точнее, ее прическа. Балерина оказалась почти лысой. Тугая повязка на голове прикрывала проплешины. Сзади топорщились жидкие волосенки.

– Смотри. – Танюша дернула за руку Светланку, но та уже все увидела и стояла, онемев от разочарования.

– Ну что тут у вас случилось? – вошла в квартиру Лида.

– Муза говорит, что я ее заливаю, – ответила тетя Рая и обвела квартиру рукой: мол, смотрите сами.

Соседи переглянулись, но промолчали. Муза в это время схватила тазик и понесла его на кухню так, как будто он был тяжелый и полон воды.

– Да помогите же! – закричала она. – Тут скоро по колено воды будет! Чего вы стоите?

Соседи с интересом смотрели на Музу и молчали. Тетя Рая pokrutila пальцем у виска. Лида кивнула. Израиль Ильич тяжело вздохнул.

– Может, в психушку позвонить? – спросила тетя Рая.

– Зачем сразу в психушку? – ахнула Тамара Павловна. – Вдруг у нее временное помутнение? Такое бывает с творческими людьми.

Ольга Петровна хмыкнула.

– А мне-то что делать? – спросила тетя Рая.

– Ничего, – ответила Лида. – Вы же ее не заливаете!

– Вот вы ей об этом и скажите! – предложила тетя Рая.

– Муза, дорогая, послушайте, – начал Израиль Ильич, когда балерина вернулась с тазом, схватилась за тряпку и начала ее выжимать. Тряпка была абсолютно сухая, но Муза трясла руками так, как будто она была мокрая.

– Что? – выпрямилась она.

– У вас тут сухо. Абсолютно. Ничего не льется. Вам это только кажется. Может, вам успокоительное выпить и прилечь?

Муза посмотрела на него, как на сумасшедшего. Потом перевела взгляд на Ольгу Петровну, которая кивнула в подтверждение.

– Тут сухо? – спросила Муза у Лиды.

– Естественно, – брезгливо подернула плечиками та.

Муза посмотрела на потолок, на кастрюли и вдруг заорала:

– Вы сговорились! Ты, – она ткнула пальцем в тетю Раю, – всех их подговорила! Вы думаете, я сумасшедшая? Вы хотите меня в психушку сдать и квартиру отобрать? Вот вам! – Муза показала всем кукиш, плюнула себе на руку и снова выставила кукиш.

Валерка засмеялся. Лида даже не оглянулась на сына. Тетя Рая шикнула на мальчика.

С тех пор Муза считала, что соседи находятся в сговоре и мечтают выгнать ее из квартиры. Она ни с кем не здоровалась и давала вволю полаять своей собаке Дезке. Когда рядом не было соседей, Муза кричала на расшалившихся детей и обещала оторвать всем ноги, вызвать милицию или рассказать родителям о безобразном поведении. За это дети прозвали балерину Музой-Медузой.

Впрочем, к сумасшедшей балерине тоже быстро привыкли и перестали обращать на нее внимание. Она больше не скандалила, не звала соседей и только по шуму, раздававшемуся из-за ее двери, можно было понять, что она борется со своими страхами один на один: то переставляет мебель, то кричит на невидимого собеседника, то поет песни. Когда она затихала, кто-нибудь из соседей, обычно тетя Рая или Тамара Павловна, из самых лучших побуждений на цыпочках подходили к двери и прислушивались. Когда же за дверью раздавался привычный крик или грохот, отходили – все в порядке, жива.

Правда, Тамара Павловна однажды поплатилась за свою сердобольность: в квартире Музы было тихо, даже Дезка не лаяла, и она, не сдержавшись, подошла к двери и приложила ухо к замочной скважине.

– Ага! Попалась! – Дверь резко открылась, и Тамара Павловна упала в квартиру, подмяв под себя балерину. Пока Тамара Павловна пыталась подняться, Муза кричала, что было мочи:

– Помогите! На помощь! Убивают!

– Да никто вас не убивает, – пыталась успокоить и поднять балерину Тамара Павловна.

– Помогите! – продолжала орать и брыкаться Муза, уворачиваясь от ее рук. Рядом, захлебываясь слюнями, тявкала, как заполошная, Дезка.

– Ну что тут опять? – первой прибежала на крики тетя Рая.

– Вот она! Убить меня хотела! Под дверью стояла и караулила! – Муза грозно показывала на перепуганную Тамару Павловну, которая мысленно зареклась подходить к квартире балерины и к ней самой ближе, чем на десять метров. – Милицию! Вызывайте милицию! – верещала Муза под лай Дезки, которая уже хрипела от возмущения. – Нет! Я сама вызову! И ты от меня никуда не уйдешь! – Муза втокнула Тамару Павловну подальше в комнату, рванула к себе тетю Раю и заперла дверь. Ключи она засунула в штаны и понеслась к телефону. – Милиция, милиция! Меня убить хотят! – кричала Муза в трубку, которую пыталась вырвать тетя Рая. Но балерина оказалась хваткой и сильной для своего веса и роста.

Дежурный, видимо услышавший шум борьбы, выслал наряд. Милиция приехала быстро, с мигалками, оружием на изготовку – все как положено. За это время около квартиры балерины собрались соседи.

– Томуся, ты там? – кричал Израиль Ильич.

– Да, здесь.

– Муза, откройте дверь, мы во всем разберемся! – увещевал балерину Израиль Ильич.

– Открою только милиции! – орала в ответ Муза. – А убийцу я взяла в заложники.

– Тогда хоть Раю выпустите. – Израиль Ильич пытался говорить спокойно.

– Она сообщница! Они все подстроили! – кричала Муза.

– Бедная, бедная женщина, – стонал Израиль Ильич. – Лишь бы она ничего Томусе и Рае не сделала.

– Да что она двум здоровым сильным женщинам сделает, эта чокнутая пигалица? – пыталась успокоить его Ольга Петровна.

– Психические больные бывают очень сильными и изобретательными...

К счастью, милиционеры быстро все поняли. Муза и их в квартиру не пускала и требовала доказательств, что они настоящие милиционеры, а не переодетые. Удостоверение, которое участковый прикладывал к дверному глазку, Музу не убедило. Когда участковый принял решение взламывать дверь, звуки вдруг стихли.

– Что там? – ахнул Израиль Ильич. – Почему так тихо? Она их убила? Что она там натворила?

За это время соседи успели рассказать участковому про галлюцинации, которыми страдала балерина, про потоп, которого не было, и про то, что она – творческая личность. Участковый кивал.

Наконец дверь открылась. На пороге стояла перепуганная Тамара Павловна в порванной юбке.

– Музе плохо. Мы ключи из ее штанов вытащили. Рая с ней. Надо «Скорую».

Участковый вошел в квартиру, где над Музой сидела тетя Рая и уже звонила в «Скорую». Балерину били судороги. Ее забрали в больницу. Соседи судачили у подъезда.

– А что вы хотите? В тридцать восемь лет ее отправили на пенсию, – защищал балерину Израиль Ильич. – Это же самый расцвет! Молодая еще женщина! И пенсия у нас сами знаете какая. Не проживешь.

– Давно надо было в психушку позвонить, – отвечала Лида. – Она вчера моего Валерку недоумком назвала.

– А ее собачонка опять чуть не покусала Танюшу. Она ее специально натравливает, – поддержала соседку Ольга Петровна.

– Несчастливая одинокая женщина, – сказала Тамара Павловна.

– Сама виновата, – жестко заметила Лида.

– Неужели у нее никого из родни нет? А детки? Или родственники? Хоть дальние? Мне ее жалко. – Тетя Рая была полна сочувствия к соседке.

– Вам всех жалко, – хмыкнула Лида.

– Она не виновата. Им рожать нельзя, – произнесла Тамара Павловна со знанием дела. – Фигура, форма, карьера.

– Вот я и говорю – сама виновата, – заявила Лида. – А сейчас кому она такая страшная и чокнутая нужна?

– И зеркало у нее разбитое висит, – добавила тетя Рая. – Не к добру это.

– Господи, теперь еще с сумасшедшей соседкой жить! – вдохнула Ольга Петровна. – Мало нам своих проблем, так еще эта!

* * *

Муза вышла из больницы, и жизнь потекла своим чередом. Балерина с Дезкой появлялась во дворе как раз в то время, когда из подъезда выходили дети, спешащие в садик. Она спускала собаку с поводка, и Дезка как сумасшедшая носилась по двору, истерично лаяла и бросалась на всех, кого видела. Дети шарахались, падали и со всех ног улепетывали от собачонки, а Муза стояла и мечтательно улыбалась.

– Да я ей в следующий раз башку сама оторву! – ругалась тетя Рая, когда рыдающая Маринка жаловалась на собаку, показывая разодранное пальто.

– Колбасы ей, что ли, отравленной подбросить? – говорила Лида, слушая, как Дезка заходится лаем, который был слышен на всех этажах.

Это случилось неожиданно для всех. Ничего не предвещало. Все было как всегда. Балерина поздно вечером стояла под окнами и выла. Потом она начала бегать по соседям, стучать, звонить в двери, бить ногами. Она кричала так, что становилось страшно – откуда в таком тщедушном теле столь мощные легкие?

Разбуженные криком, испуганные соседи выскакивали из квартир.

– Убийцы! Вы все! Ненавижу! – Муза плевалась, кидалась с кулаками на всех и даже вцепилась в волосы тете Рае.

– Господи, что случилось-то? – ахнула Тамара Павловна.

На полу, на лестничной клетке перед квартирой Музы, лежала Дезка с перекушенным горлом.

– Какой ужас! – брезгливо, но со скрытым облегчением сказала Лида. Соседи стояли и смотрели на труп собаки.

– «Скорую», «Скорую» вызывайте! – громко вернул всех к действительности Израиль Ильич.

– Кому? Собаке? – пошутила Лида. Израиль Ильич закатил глаза и показал на Музу.

Балерина лежала на измазанном кровью полу и билась в истерике. Она вздрагивала, хватала воздух ртом и билась головой об пол.

– Плитку так всю расколотит, – опять пошутила Лида.

– Господи, ну что вы такое говорите? – ахнула Тамара Павловна, сняла с себя кофту и подложила балерине под голову.

– Ну и зря, – прокомментировала Лида, – ей все равно, а кофту придется выбросить. Жалко. Новая же.

Тамара Павловна посмотрела на Лиду с негодованием, но ничего не сказала. Ей тоже было жалко кофту, которую купила аж в самой «Березке» за сумасшедшие деньги, но она решила не мелочиться и быть выше этого.

Музу увезли. Пол отмыли от собачьей крови, смешанной с кровью балерины – та все-таки разбила себе голову, а заодно и плитку. Труп Дезки вынесли на дальнюю помойку.

С Музой в больницу уехала тетя Рая, хотя рвалась Тамара Павловна, но ее остановил Израиль Ильич. Тетя Рая, которую ждали с нетерпением все соседи, не расхотелись, рассказала, что Муза давно состояла на учете в психоневрологическом диспансере – вялотекущая шизофрения, из-за этого ее и отправили на пенсию. Врачи обещали подлечить, проколоть, поддержать и отпустить. Муза была не опасна для общества.

– Как это – не опасна? – возмутилась Ольга Петровна. – Очень даже опасна! Вспомните, как она вас в квартире держала!

Тетя Рая пожала плечами.

Израиль Ильич тем временем расследовал обстоятельства смерти несчастной Дездемоны. Кто-то из прохожих видел, как собачонка, спущенная с поводка, убежала за пределы детской площадки и добежала до катка. Там ее и загрыз Рекс, который никогда не укусил ни одного ребенка.

– Что теперь делать? – спрашивал Израиль Ильич. – Рекса нужно пристрелить.

– С ума сошел? – ахнула Тамара Павловна.

– А вдруг он на кого-нибудь еще нападет? Хозяина у него нет, вкус крови он уже почувствовал.

– Она и Рекса достала, эта собачонка, – заявила Лида. – На людей он никогда не нападал. Сами звоните в живодерню, если вам надо. А я пошла спать.

– И я пойду, что-то мне совсем нехорошо, – сказала Ольга Петровна, – голова раскалывается.

Так всё и оставили. Муза лежала в психушке, Рекс спал под машиной, а соседи наслаждались тишиной и спокойствием. Только тетя Рая ворочалась у себя в комнате без сна.

Музу действительно выпустили примерно через месяц. Она вернулась спокойная, уравновешенная, тихая и неприметная.

– Это она под таблетками, – уверяла Лида. – Пока держится, до следующего приступа.

– Жалко ее, – сказала тетя Рая.

– Жалко у пчелки в жопке. Жди, когда она на тебя с ножом кинется, – ответила Лида.

Каждое утро балерина выходила гулять, взяв в руки поводок. Пустой. Просто поводок. Без собаки. Стояла у подъезда минут десять и возвращалась домой. Точно так же, с пустым поводком, она выходила по вечерам.

– Не могу на нее смотреть, сердце разрывается, – сказала однажды тетя Рая, зайдя за сахаром к Тамаре Павловне.

– Да, несчастная женщина, – кивнула та в ответ.

– Может, ей щенка подарить? – предложила тетя Рая.

Это предложение, поначалу показавшееся безумным, соседи обсуждали два месяца. Ольга Петровна была категорически против.

– Опять начнется вой и визг, никакого покоя! – убеждала она тетю Раю. – За щенком уход нужен, его воспитывать надо. А Муза – больная на всю голову. Она с собой-то справиться не может!

– А вдруг ей это на пользу пойдет? – размышляла тетя Рая. – Займется щенком, мы хоть спокойно проживем.

– Может, кошку? Все сумасшедшие любят кошек, – подала идею Лида.

– Муза не любит кошек, – ответила тетя Рая.

– А вы откуда знаете?

– Она же не кошку себе завела, а собаку!

Последнее слово осталось за Израилем Ильичом:

– Давайте подарим, хуже уже точно не будет, дальше некуда. А Рая права, Музу нужно переключить.

И соседи на Новый год подарили Музе маленького щеночка, самого обычного. Дворняжку. Тетя Рая увидела его в коробке в подземном переходе у метро и не удержалась, взяла. Соседи собрались и дружно пришли вручать подарок.

– Лучше бы мне щенка подарили! Я тоже хочу! – чуть не плакала Танюша.

– Мне еще только собаки в доме не хватало, – отрезала Ольга Петровна.

– Зря мы это затеяли, плохая идея, – вдруг пошел на попятную Израиль Ильич. – Надо было с врачами проконсультироваться. Вдруг для нее это будет стрессом? Положительные впечатления провоцируют эмоции больше, чем отрицательные.

– Полностью с вами согласна, – отозвалась Лида.

Муза взяла на руки щенка и чмокнула его в нос. Она казалась совершенно счастливой – улыбалась, благодарила, приседала в поклоне. Цветы, которые ей преподнес Израиль Ильич, приняла красивым, отрепетированным жестом, переложив букет на локоть. И даже сделала фуэте. Соседи вежливо похлопали. Все прошло мирно, спокойно и даже, можно сказать, счастливо. Муза сказала, что у девочек, особенно у Танюши, прекрасная выворотность, а у Маринки – гибкость. Она поставила их к книжному шкафу напротив зеркала, велела держаться за полку, и принялась показывать движения и па. Девочки, с сосредоточенными лицами, пытались встать в позицию и старательно вытягивали шеи. Муза хлопала в ладоши, кричала «браво» и обещала, что будет заниматься с ними прямо дома, бесплатно, разумеется, чтобы всем было хорошо – и им польза, и ей отдушина.

– Не к добру это, плохая примета, – тихо сказала тетя Рая Ольге Петровне. – Зеркало разбитое, а они в него смотрятся.

– Перестаньте, все хорошо будет, – отмахнулась Ольга Петровна.

Даже Израиль Ильич успокоился и признал, что тетя Рая была права, подарив щенка. Терапия в действии. Лида принесла шампанское, Тамара Павловна – бокалы. Выпили за старый год, проводили, выпили за новый и загадали желания. Обнялись, расцеловались.

Уже вернувшись домой, Танюша со Светланкой, в пижамах, пытались повторить поклон и фуэте. Крутились по комнате, пока Ольга Петровна на них не прикрикнула, потому что они топали как лошади.

– Когда мне Валерка подарит цветы, я тоже их так приму, – заявила Танюша, отставляя попу и раскидывая руки.

– У меня лучше получается, – сказала Светланка, крутанулась вокруг своей оси и, не удержавшись, упала на пол.

– Давай упросим маму взять и нам собаку, – предложила Танюша.

– Лучше котенка. Я кошек больше люблю, – возразила Светланка.

– Хорошо, давай попросим котенка.

– Мама не разрешит ни за что.

– Когда я вырасту, заведу себе и кошку, и собаку, – заявила Танюша.

– Я тоже, – поддержала Светланка.

Первого января все встали поздно. Первыми проснулись Ольга Петровна, потому что девочек нужно было кормить завтраком, тетя Рая, которую разбудила Маринка, и Лида, потому что Валерка с утра решил поиграть в комнате в футбол.

Тетя Рая пошла выносить мусор. Она никогда не выносила мусор по вечерам, считая это плохой приметой. Мусоропровод был один на два этажа, нужно было или спуститься, или подняться на пролет по лестнице. Перед дверью Музы она увидела щенка, лежавшего на коврик, с неестественно вывернутой шейкой. Щенок, еще вчера скуливший, был мертв.

Теперь уже тетя Рая ходила по соседям, стучала и звонила в двери.

– Ну что еще?

– Там щенок... – выпучив глаза, сообщала тетя Рая.

Соседи собрались перед квартирой Музы.

– А вдруг с ней что-то случилось? – голосила тетя Рая.

– Спит, наверное, – пожала плечами Лида.

– Я ей звонила, – не успокаивалась тетя Рая, – не открывает.

– Надо ломать дверь, – заявил Израиль Ильич.

– Господи, первое января! В этом доме будет когда-нибудь покой? – взмолилась Ольга Петровна.

Перепуганные дети стояли над трупом маленького щенка.

– Уберите его кто-нибудь! – крикнула Лида. – Здесь же дети!

– Сейчас в ЖЭКе никого нет. Все отсыплются, не отвечают, – сказал Израиль Ильич.

– Давайте сами дверь откроем, – предложила тетя Рая.

– Я не смогу. У меня и инструментов нет, – сказал Израиль Ильич.

Кое-как через час добудились местного слесаря, который, матерясь и проклиная все на свете, взломал дверь. Соседи ввалились гурьбой в квартиру Музы.

Балерина сидела на диване как ни в чем не бывало.

– Муза! – ахнула тетя Рая.

– Это не Дезка, – улыбнулась Муза и вдруг рухнула на пол так, что задралась полы халата, приоткрыв тощие, с торчащими венами и неестественно развитыми икрами ноги.

Израиль Ильич отвернулся. Слесарь выругался.

* * *

Муза легла в психбольницу надолго, и через некоторое время около подъезда остановился грузовик, из которого вышли сумрачная женщина и огромного роста, краснолицый, улыбающийся мужик. Он закурил, а женщина стала выгружать тюки, крикая и тужась. Мужик даже не сделал попытки ей помочь, разглядывая дом и сплевывая в сторону.

– Ну, ничего! Жить можно! – заявил он радостно, отшвыривая бычок. – Пошли, что ли? «Кто это?» – спросила тетя Рая сама у себя и пошла вслед за странной парочкой, хотя собиралась в магазин.

Мужчина с женщиной остановились перед дверью Музы.

– Закрыто, – спокойно сказала женщина, – а ключей нет.

– Да тут на соплях все держится, – обрадовался мужчина и легонько толкнул плечом дверь, которая тут же распахнулась. Они вошли в квартиру, а тетя Рая стояла у себя на этаже, не зная, куда идти – то ли к соседям, поделиться новостью, то ли в магазин за колбасой.

Впрочем, сохранить какую-то новость в тайне в подъезде было невозможно, так что тетя Рая пошла в магазин, справедливо рассудив, что колбаса важнее, а жильцы куда не денутся и скоро все выяснится.

Женщину звали Валентина, мужика – Петька. Валентина приходилась Музе дальней родственницей – то ли троюродная тетка по материнской линии, то ли еще кто. Петька был мужем Валентины. Валентина давно собиралась перебраться в Москву из деревни, но со своей дальней родственницей, которую видела один раз в жизни, не общалась даже по телефону и все не знала, как позвонить да что сказать. А тут как раз из больницы сообщили, что Муза у них, с очередным приступом. На этот раз все серьезно. Когда выйдет – неизвестно. Так что для Валентины сложилось все как нельзя лучше. «Не было бы счастья, да несчастье помогло», – подумала она и принялась паковать вещи.

Петька работал водителем автобуса. Между рейсами пил, бил Валентину и гулял так, что ни одной нетронутой им бабы в их округе не осталось. Кто-то соглашался добровольно, кого-то он насиловал, совершенно не считая при этом, что насилует. Бабы молчали – что возьмешь с этого детины? Проще отдаться. Не в милицию же бежать, где все Петькины закадычные друзья, пьют вместе. Так что Петька насильничал совершенно безнаказанно, пребывая в полной уверенности, что бабам он нравится.

Валентина же при попытке вправить мозги мужу получала в глаз, отлетала в угол кухни, и на этом все разборки заканчивались. Она надеялась, что в Москве Петька устроится на работу и будет меньше пить, а может, и гулять перестанет – к городским женщинам побоится приставать.

Валентина тогда долго уточняла у медсестры психбольницы, надолго ли Музу положили. Та ответила, что пока непонятно. Но месяца два точно продержат, а там – кто знает. Состояние тяжелое.

Валентина для себя решила, что поживет в квартире у Музы, пока та в больнице, а за это время найдет квартиру для съема, устроится на работу, переедет... Чего жилплощади пропадать? Да и родственники какие-никакие. В общем, со своей совестью Валентина договорилась быстро. На удивление быстро согласился переехать и Петька, которому опостылела старая работа, местные бабы и дешевая водка. Столица открывала перед ним новую жизнь.

Пока Валентина грохотала на кухне, переставляя тарелки, выбивала ковер, двигала шкафы, снимала со стены разбитое зеркало – тьфу, плохая примета – в общем, обустроивала квартиру под себя, Петька несколько дней пил столичную водку, закусывая столичной колбасой. Так бы продолжалось и дальше, если бы водка у него не кончилась, а денег на бутылку

Валентина не дала. Петька махнул кулаком, Валентина привычно отлетела в угол кухни, но денег все равно не дала. Уперлась:

- Хочешь, убей, а денег не дам.
- Сука, – ответил Петька и пошел спать.

Утром он встал рано, помылся, побрился и пошел устраиваться на работу. В тот же день устроился, и все выходные отмечал «начало трудовой жизни» – Валентина сама сбегала за водкой, – а с понедельника начал водить тот самый единственный автобус, который вез из их района до ближайшей станции метро. Взяли его с распростертыми объятиями – стаж приличный, мужик крепкий, неприхотливый, о такой зарплате даже мечтать не мог. Ну, выпивает, а кто из водил не пьет? Вон, один на неделю ушел в запой, так не могли замену найти. Никто не соглашался. Район новый, дальний, до центра далеко, работа нервная, людей много.

Соседи поначалу шарахались от этой неожиданно появившейся странной парочки. Не знали, чего от них ждать. Первой пошла на контакт тетя Рая, почувствовав в Валентине родную деревенскую кровь. Пришла с пирожками, по-соседски.

- Вы тут как, надолго? – спросила она Валентину.
- Нет, временно, – честно ответила та, накрывая на стол.

Петька схватил пирожок, откусил, хмыкнул и, чавкая, дожевал.

– Пока Муза не выйдет, – продолжала Валентина. – Сейчас устроимся, квартиру съемную найдем и съедем. У нас в деревне ни продуктов, ни работы.

– Это да, – согласилась тетя Рая, – с работой тяжко. Вы тут хорошо прибрались. И зеркало, слава богу, сняли разбитое.

– Так примета плохая. Что она тут делала перед зеркалом-то? – по-бабски спросила Валентина.

Тетя Рая рассказала ей и про щенка, и про потоп, про галлюцинации. Про Дезку тоже рассказала.

– Ой, – только вздыхала Валентина, впитывая подробности и просчитывая в голове, сколько Музу продержат в психушке.

– Так давно надо было ее сдать! – хохотнул подвыпивший Петька.

Валентина улыбнулась – Петька выпивал, но меньше. Намного меньше. А про баб и думать забыл.

– Надо было, – согласилась тетя Рая. – Но мы же не знали, что у нее диагноз. Думали, творческая личность...

– Ой, я их вообще не понимаю, этих интеллигентов, – поддержала разговор Валентина, – вроде умные такие, все знают, а в доме – срач, не пройдешь, не проедешь. Вон, пока эту квартиру отмывала, чуть без рук не осталась.

– Мне ее жалко. Больная она, – вздохнула тетя Рая, которой Валентина плеснула водочки, – и в квартиру было страшно зайти, это вы правы.

– Так я все повыбрасывала, – радостно сообщила Валентина.

– И правильно, – поддержала тетя Рая, – надо, чтобы чисто в доме было. А то у нее и тараканы, и моль в шкафу. А если в одной квартире, то, считай, у всех, во всем доме!

– И не говорите! Я уже везде и отравы понасыпала, и корки лимонные разложила!

– А что у вас с лицом? – не удержавшись, спросила тетя Рая.

– Так упала. На антресоли лазила и свалилась, – ответила Валентина.

– Ну да, ну да, – кивнула тетя Рая, – надо осторожнее. Я вам мазь могу принести, синяки быстро рассасывает.

– Спасибо, а пирожки у вас настоящие, как у нас в деревне. Не думала, что здесь, в Москве, такие умеют делать.

– Так я тоже деревенская, – засмеялась тетя Рая.

– Ну, это видно. Значит, земляки.

– Вы заходите, если что. Если что-то надо. А Музу жалко, очень жалко, – сказала тетя Рая, прощаясь у двери.

– Так я бы помогла, если бы знала чем, – откликнулась Валентина. – А чем тут сможешь? Это же не сопля, не кашель, а голова. Что тут сделаешь?

– Да, а мы с соседями думали, что у нее вообще никого нет.

– Так считайте, что никого. Мы хоть и родня, но дальняя. Может, она меня и не вспомнит. Что взять с психической?

– И не говорите....

К Валентине и Петьке соседи очень быстро привыкли, сроднились, как будто и не было Музы в помине. С ними было проще, спокойнее.

Валентина, всегда сумрачная и молчаливая, со скошенным, почти отсутствующим, подбородком, никогда не отказывала в стакане сахара или двух яйцах. А Петька всегда ждал бегущих к остановке соседок и даже открывал водительскую дверь, чтобы ехали впереди, где посвободнее, а не толкались в салоне. Особенно радостно он распахивал двери для Лиды, которая стала чаще пользоваться общественным транспортом, но не отказывал и Рае, и даже Израилю Ильичу.

– А почему это? – возмущались пассажиры.

– Сейчас вообще никуда не поеду! – радостно гаркал в салон Петька, и все замолкали.

Когда Петька в выходные напивался и бил Валентину, соседи не вмешивались. Однажды Ольга Петровна, увидев Валентину с синяком впол-лица, начала кудахтать и возмущаться. Собиралась даже участкового позвать. Но Валентина искренне не поняла, в чем проблема. Ну, выпил, ну дал в глаз. С кем не бывает? А у кого-то по-другому? Ольга Петровна махнула рукой и больше с советами не лезла.

Случилось то, что должно было случиться. Музу подержали в психушке с полгода и отпустили домой. Валентине позвонили из больницы и попросили забрать родственницу.

– Не слышно! Что? – закричала Валентина и положила трубку.

Телефон звонил еще несколько раз. Валентина сидела и смотрела на аппарат. Она пыталась сообразить, что делать дальше. Беззвучно плакала, вытираясь краем фартука. И сделала то, что и в прошлый раз, – ничего. НИЧЕГО.

Прошлый раз случился много, очень много лет назад. Муза тогда была молода, танцевала, ездила по городам, поселкам. Несла высокое искусство в народ.

Они с Валентиной друг друга не знали, как не знают дальние, давно позабытые родственники. Но у Музы в записной книжке твердым почерком был записан телефон Валентины с пометкой – «родственница». Валентина была тем человеком, которому должны были сообщить, если с Музой что-то случится. Балерина могла не помнить себя, того, что делала вчера, своего года рождения, имени, но телефон и адрес Валентины был намертво отпечатан в ее памяти – его она сообщала врачам в первую очередь.

Валентина много лет жила с оглядкой. Дергалась на каждый звонок. Могло пройти несколько лет, и Валентина почти забывала о существовании Музы, как вдруг раздавался тот самый телефонный звонок, и чужие голоса рассказывали Валентине о том, что случилось с ее родственницей.

Так, от медсестры, у которой был милый, приятный, ласковый голос, Валентина узнала, что Муза попала в больницу. Медсестра сообщила номер больницы, палаты и время посещения – у Музы случился первый приступ. Валентина положила трубку, посидела несколько минут, решая, что делать, и решила ничего не делать.

Еще через несколько лет ей позвонили уже из роддома. Муза, колеся по захолустью, умудрилась забеременеть и родить мальчика. Тогда Валентина не порадовалась, а только удивилась: «От кого? Кто мог позариться на такую?» Из роддома звонили еще раз – Муза собиралась написать отказ от ребенка. Врач предлагала Валентине приехать, поговорить с Музой, обра-

зумить или забрать мальчика, чтобы того не отправили в Дом малютки. Валентина посидела, подумала и не поехала. Мальчик стал сиротой при живой матери и тетке, хоть и такой дальней, что дальше не придумаешь. Хотя нет, тогда Валентина честно записала адрес Дома малютки, имя мальчика, вес, рост и дату рождения. Но она, сама бездетная, не собиралась забирать ребенка. Не было у нее такого порыва. Зачем ей ребенок, рожденный не пойми от кого?

Сама Муза ей никогда не звонила. Не позвонила и в тот раз, хотя Валентина ждала звонка. Не поговорила, не плакала в трубку, не просила о помощи – как будто и не было того мальчика.

Только однажды ей позвонил незнакомый пьяный мужик, как поняла Валентина, отец ребенка, и начал что-то говорить про Музу, про сына. Но трубку выхватил Петька, обматерил мужика, избил Валентину, и на том все дело кончилось. Валентина так и не призналась Петьке, что мужик был не ее, а Музы, что родственница родила мальчика – родила и бросила в роддоме. Петька убедился в том, что его Валька – такая же, как все бабы. Сука и блядь.

Вот и сейчас Валентина выслушала медсестру, записала адрес больницы, время, когда нужно было приехать за родственницей, рекомендации по уходу за больной, аккуратно положила трубку и пошла чистить картошку.

Муза приехала из больницы сама. Каким-то чудом она вошла в подъезд незамеченной, никто из соседей ее не видел. Да если бы и увидел, то не узнал. Муза была в чужой мужской шапке, драном пальто и сапогах, которые ей были велики на три размера. Видимо, собирали ее всей больницей – увозили ведь в одном халатике.

Муза поднялась на свой этаж и попыталась открыть дверь. Дверь была заперта. Балерина позвонила. Дверь открыл пьяный Петька.

– Чё надо? – гаркнул он, увидев маленького оборванного человека, не похожего ни на женщину, ни на мужчину.

Муза молчала.

– Погорельцы, что ль? – спросил Петька, потому что тетка – он уже понял, что это женщина, но какая-то мелкая, больная и страшная – молчала и не уходила.

Тогда в доме часто появлялись такие оборванные погорельцы, которым соседи отдавали старые вещи, игрушки или что-то из еды.

– Чё вылупилась? – опять гаркнул Петька. – Валька! Иди тут разберись!

Из комнаты вышла Валентина и увидела женщину. Она ее сразу узнала, хотя не видела очень много лет и не должна была узнать. Просто сердце екнуло. Она. А кто еще?

– Сейчас. – Валентина кинулась в комнату, схватила свой халат, тапки, свитер Петьки и вынесла все барахло в прихожую.

– Вот, забирай и уходи, – сказала она Музе.

Та продолжала молчать.

– Уходи отсюда, – повторила Валентина, – а то милицию вызову!

Муза вышла на улицу, дошла до детской горки и уже там упала. Видимо, падая, она ударилась головой об лед. Ее подобрала уже к вечеру, когда люди стали возвращаться с работы домой. Решили, что пьяная и бездомная, и вызвали милицию. Так Муза сначала оказалась в вытрезвителе, потом в больнице и только после этого в стенах очередной психушки.

Везде она называла телефон и адрес Валентины, тот самый, в деревне.

Валентина же в московской квартире выдернула из розетки телефон, спрятала аппарат в коробку из-под обуви и врезала еще один замок в дверь.

Вот что странно – всевидящие и всезнающие соседи так и не узнали о возвращении Музы, о том, что Валентина ее выгнала, и о том, что в психбольнице Муза скоро умерла от пневмонии – слишком долго пролежала на холоде. Ее похоронили на дальнем заброшенном кладбище, и на деревянной табличке было написано имя покойной: Валентина. Муза на вопрос, как ее зовут, отвечала «Валентина» и диктовала номер телефона.

О Музе помнили только дети – Светланка с Танюшей, Валерка и Маринка. Каждый по своей причине. Танюша мечтала танцевать в короне, Светланка помнила, как ее покусала Дезка. Валерка не мог забыть голые ноги, трусы и детскую, неразвитую грудь балерины, которые увидел, когда случилась история с Дездемоной и Муза лежала на полу в задравшемся халате. Собственно, это было первое женское обнаженное тело, которое он увидел в своей жизни, что, кстати, не лучшим образом отразилось на его психике. А Маринка помнила, что Муза была почти лысой и панически боялась стать такой же.

* * *

Жизнь брала свое. Была балерина – и нет балерины. Кому какое, собственно, дело – со своими бы заботами разобраться. Дети, работа. Были и радости. К Израилю Ильичу и Тамаре Павловне переехал сын Миша с женой Леной и дочкой Верочкой. Опять к подъезду подкатил грузовик с коробками, книжками, стульями и прочей домашней утварью.

Очень скоро стало понятно, что Миша переехал не просто так. Миша с Леной не ходили на работу, а бегали куда-то с документами, звонили из единственной в округе телефонной будки, а не из дома, продавали мебель, с соседями вежливо здоровались, но не более того. А Верочка не ходила в садик. По всему было понятно, что они в доме не задержатся.

– В Израиль уедут, что тут непонятного? – пожалала плечами Лида, столкнувшись с тетей Раей.

- Как в Израиль? – ахнула тетя Рая.
- Они же Либерманы. Куда им еще ехать?
- Ой, а это опасно?
- Тебе-то что? Ты же им не родственница.

Но прошел месяц, второй, третий, а младшее поколение Либерманов так и жило на чемоданах. Им не давали разрешение на выезд. Судя по тому, что Лена начала давать частные уроки музыки на дому, денег стало не хватать. От этих уроков особенно страдала Ольга Петровна, которая вспоминала вечерние домашние концерты Израиля Ильича как лучшее время в своей жизни. Теперь она вынуждена была до позднего вечера слушать гаммы, детские пьесы в исполнении нерадивых учеников. У нее опять началась жестокая мигрень, и даже Танюша со Светланкой затыкали уши ватой.

– Это невозможно! – кричала Ольга Петровна и стучала шваброй по потолку или по батарее.

Но Лена на стуки не реагировала – она отработывала урок. Иногда стучала в ответ.

– Ну не наглость, а? – возмущалась Ольга Петровна.

– А что им делать? – заступалась тетя Рая. – Израиль Ильич говорил, что Мишу с Леной с работы выгнали.

Наступал Новый год, который неизменно объединял всех соседей. Эта традиция сложилась сразу и оставалась неизменной, что бы ни происходило. Так уж получилось, что их новый кооперативный дом заселяли как раз зимой, под Новый год, и этот праздник отмечали все вместе. У кого-то не было стульев, у кого-то стола. Сидели у Израиля Ильича и Тамары Павловны, обладателей трехкомнатной квартиры, на собранных со всего подъезда табуретках, коробках, ели из разномастной посуды. Сначала было неловко, а потом очень весело и радостно. Все поздравляли друг друга с новосельем, желали счастья, здоровья и счастливой жизни на новом месте. И тот Новый год стал для всех самым лучшим, самым светлым воспоминанием, и на каждый следующий все вспоминали тот самый, первый.

В квартиру Израиля Ильича шли со своими табуретками, закусками и бутылками. У кого что было. И даже если планировались гости, все равно бой курантов слушали все вместе у Израиля Ильича и только потом разъезжались по гостям.

Так было и в этот раз. Пришли все, как раньше. Были даже Валентина с Петькой. Валентина накрасила губы и выглядела очень даже ничего. Лида отметилась новым вечерним платьем, от которого все ахнули. И когда Израиль Ильич сел за рояль, Ольга Петровна, истрадавшаяся по хорошей музыке в хорошем исполнении, вздохнула радостно и с облегчением. Израиль Ильич был в ударе, и опять же традиционную «В лесу родилась елочка», под которую дети водили хоровод, а взрослые подпевали, исполнил особенно зажигательно. А уже после двенадцати за рояль сел Миша. И все замерли. Миша играл так, что мурашки бежали по коже. Валентина сидела с мокрым лицом, не заботясь о том, чтобы вытереть слезы. Петька ошалело глядел на Мишу и пыхтел.

Когда Миша закончил играть, все еще долго сидели в молчании, в ступоре, в немом восхищении, захлестнувшим душу. Это было как очищение, как катарсис, когда все струны лопаются и эмоции выплескиваются наружу. Мише аплодировали стоя. Израиль Ильич стоял рядом со своим мальчиком и тоже плакал. Он был горд за сына. Горд за себя, за то, что он отец этого гения. Абсолютного гения. Тамара Павловна улыбалась счастливой, осоловевшей и дурной от восторга улыбкой матери.

Поскольку больше не было никаких сил, никаких эмоций, включили телевизор, чтобы посмотреть «Голубой огонек», и завели проигрыватель. Миша танцевал с Лидой. Тетя Рая с Валентиной ушли на кухню – заваривать чай, резать торт. Лена курила в форточку. Туда же пришла Ольга Петровна – сварить кофе.

– Ну, как ваши дела? – спросила она вежливо у Лены.

– Никак, – отмахнулась Лена и уставилась на тлеющую сигарету.

– Миша очень талантливый, – совершенно искренне сказала Ольга Петровна.

– Я знаю. А что толку? – пожала плечами Лена. – Разрешение на выезд не дают.

– А почему вы уехать хотите? Вам здесь плохо разве? – всплеснула руками тетя Рая.

– Плохо, – просто ответила Лена и заплакала.

Женщины забыли про чай, кофе и торт. Лена рассказывала, а женщины слушали ее так же, как полчаса назад ее мужа.

Миша действительно был очень талантлив – еще в консерватории так говорили. Они поженились с Леной на третьем курсе. Жили в большой квартире на Курской, вместе с родителями Лены. Ее отец работал на часовом заводе, занимал руководящую должность. Все было хорошо – Лена с Мишей ездили отдыхать в Гурзуф, строили планы на жизнь, веселились, не знали нужды и бытовых проблем... Родилась дочка Верочка, все заботы о которой взяла на себя бабушка, мама Лены. А потом несчастья посыпались одно за другим. В один год. Один чертов год.

Сначала арестовали отца Лены. При очередной проверке ОБХСС на часовом заводе была установлена недостача драгметаллов. Проще говоря, пропало золото, которым напыляли корпус часов.

– Он не виноват! – кричала Лена, закуривая очередную сигарету. – Дело было сфабриковано!

Мать не выдержала удара и умерла – инфаркт. Лена хоронила маму одна с Верочкой на руках, Миша в это время был на международном конкурсе исполнителей. Он играл так, как никогда в жизни. Сыграл и вернулся.

– И победил? – выдохнули женщины.

– Победил, – хмыкнула Лена.

Миша знал, что стал лауреатом. Но он даже не догадывался, что победа открывала ему двери в новую жизнь. Были и крупная денежная премия, и многочисленные предложения о зарубежных гастролях. Мише отдали только диплом лауреата и суточные, которых едва хватило на игрушку для Верочки.

Он вернулся в Москву, к жене и дочке. О конкурсе он быстро забыл, пришлось забыть – они с Леной бегали по юристам, хлопотали за отца, заботились о Верочке и пытались понять, как жить дальше.

Миша не хотел уезжать – он любил филармонию, в которой работал, своих педагогов. Любил Москву и Подмоскowie. И даже когда его друзья и коллеги один за другим подавали документы на выезд, он и не помышлял о том, чтобы уехать. Навсегда. И знать, что никогда не вернешься.

* * *

Они сидели в пустой квартире – Мишин друг, которому разрешили выезд, прощался с друзьями, раздавая книги и ноты, которые нельзя было вывезти.

– Тебе нужно уезжать, – сказал друг.

– Куда я поеду? У меня тут родители, – отмахнулся Миша. – И кому я там нужен? На улице играть, чтобы в шапку деньги бросали? Так рояль на улицу не вытащишь.

– Вот, держи. – Друг передал Мише газету, иностранную, сильно помятую, сложенную вчетверо, в которой и была заметка с фотографией Михаила Либермана, лауреата международного конкурса исполнителей. В заметке сообщалось, что Михаил Либерман – один из самых талантливых музыкантов современности, что перед ним открываются блестящие перспективы. Там же говорилось о сумме премии, которая была вручена лауреату, и о гастрольных предложениях, которые поступили господину Либерману.

Миша несколько раз прочитал заметку, все еще не понимая, что речь идет о нем.

– Я ничего не получаю, – сказал он наконец.

– Ни ты, ни я, ни остальные ничего здесь не получают. Надо уезжать, – ответил Мишин друг. – Здесь ты за три копейки будешь в оркестре сидеть. И то, если повезет.

– Можно я газету себе оставлю? – попросил Миша.

– Да пожалуйста! Ленке покажи, может, она тебя убедит в том, что ты здесь никому не нужен. Подавайте документы на выезд. Неизвестно, сколько вас муржигить будут.

– Я не могу, у меня здесь родители.

– Уедешь, пришлешь им вызов. И слушай, сохрани моих рыбок, – попросил друг и вручил Мише аквариум. – Я не могу их с собой забрать, а в чужие руки отдавать жалко.

– Хорошо, – пообещал Миша.

Домой он ехал, вцепившись в аквариум. В кармане куртки лежала газета. На следующий день он подал заявление об уходе из филармонии и начал собирать документы на выезд.

– Он сидит целыми днями и пялится на этих рыбок! – плакала Лена. – Часами так сидит! Даже на Верочку не реагирует!

Когда в филармонии узнали, что Либерман собирается за границу, Лену, которая работала там же, вызвали в отдел кадров. С ней беседовали долго, с пристрастием. Лена выползла из кабинета на слабых ногах. Она не отказалась от мужа, не пошла с ним разводиться, как ей советовали сделать – ради дочери. В ушах звенел голос кадровички: «Нам известно, что ваш отец находится под следствием».

– И что? Он невиновен, – отозвалась Лена.

– Ну, это не вам решать, – отрезала кадровичка.

– И не вам, – огрызнулась Лена.

– Тогда вы не оставляете нам выбора...

Лену тоже уволили.

Но даже не это было самым страшным. Ее отцу дали большой срок с конфискацией имущества. Не помогли ни адвокаты, ни свидетельские показания. Лену с Мишей и Верочкой выгнали из квартиры. У них больше ничего не было, даже крыши над головой. Последней кап-

лей стало то, что Лену вызвала заведующая детским садиком, в который ходила Верочка, и сказала, что они больше не могут держать ее в группе. Посоветовала забрать «по семейным обстоятельствам». Самим.

– А отец долго будет в тюрьме? – спросила тетя Рая.

– Долго, – ответила Лена, – мы собираемся уехать и, когда устроимся, прислать вызов Израилю Ильичу и Тамаре Павловне.

– А они хотят? – спросила тетя Рая.

Лена пожала плечами и не ответила. Мол, о чем вы спрашиваете? Как можно этого не хотеть? Как можно хотеть остаться здесь? В стране, где в один день дают срок, лишают работы, отбирают квартиру и даже выгоняют ребенка из детского сада. В стране, где не нужны таланты. Где дети отвечают за родителей, даже если те невиновны.

– Ничего, все уладится, – сказала тетя Рая.

– Ничего не уладится, – буркнула Лена и ушла в комнату.

* * *

В комнате тем временем Миша разговаривал с Лидой. Он уже прилично выпил, держал Лиду за руки и смотрел ей не в глаза, а в декольте.

– Мы скоро уедем, – говорил Миша, – только я боюсь за родителей. И за рыбок. Пообещайте мне, что вы их не бросите!

– Кого? Рыбок или родителей? – спокойно спросила Лида.

Миша попытался собраться с мыслями.

– И тех, и других. Я ведь могу на вас рассчитывать?

Лида красиво пожала плечами.

– Я вам пришлю вызов! Обещаю! Как только мы устроимся и будет возможность, вы получите вызов! Вы сможете отсюда уехать!

– Давайте об этом поговорим позже, – сказала Лида.

– Нет! Сейчас! Пообещайте мне сейчас!

– Хорошо, хорошо, я вам обещаю! – выдохнула Лида.

– Вот! Я передаю его вам! – Миша вскочил с дивана, опрокинул две табуретки, сбегал в комнату, вернулся с аквариумом и вручил его Лиде как драгоценность.

Лида посмотрела на рыбок, на Мишу, который был уже совсем пьян, и сделала еще одну попытку:

– Послушайте, Миша, возможно, вам стоит обратиться к кому-то другому... Вы меня совсем не знаете. И ваш вызов...

– Нет! Вы – удивительная женщина! Вы не такая, какой кажется! Я музыкант и чувствую людей! Я знаю, что пьян, вы мне не верите, но я обещаю – пришлю вам вызов. Только помогайте родителям и сохраните рыбок.

– Хорошо, Миша, успокойтесь, все будет в порядке, – кивнула Лида.

Миша поклонился, как будто стоял на сцене, и ушел в комнату, где спали они с Леной и стояла кровать Верочки, лег на диван и тут же уснул.

Все начали расходиться. Валентина перемыла посуду, тетя Рая убрала со стола.

Лида ушла, не попрощавшись. Уже спустившись на свой этаж, почти у порога собственной квартиры, она оступилась и выронила аквариум, который разлетелся на мелкие куски. Лида стояла и смотрела, как рыбки скачут по лестничной клетке, сверкая под тусклой лампой своими золотыми брюшками.

«Не к добру это. Или к лучшему?» – спросила она сама у себя. Потом, подоткнув подол вечернего платья и переобувшись в тапочки, собрала осколки вместе с дохлыми рыбками, вынесла все в мусоропровод, тщательно помыла полы, приняла душ и спокойно легла спать.

В начале января Мише с Леной дали разрешение на выезд. Они метались, как заполошенные, покупали билеты, бегали в контору, которая давала разрешение на вывоз нот и книг – какие-то можно было вывозить, а какие-то нет.

Их провожали всем подъездом. Израиль Ильич плакал. Тамара Павловна очумело улыбалась. Верочка капризничала. Лена хохотала как безумная, а Миша сидел за роялем и играл, словно в последний раз. Ему было все равно, что играть. Он горланил с детьми детские песенки из мультфильмов, играл для отца его любимого Вагнера и срывался на чижику-пыжика. Он хулиганил, радовался и пытался спрятать свой страх в пальцах, тарабаня по клавишам. Он не знал, что ждет его самого и родителей. Никто не знал.

– Я все помню. Ждите вызова! Пакуйте чемоданы! – сказал он Лиде, когда та подошла к роялю. Лида кивнула. К счастью, про рыбок Миша не спросил.

Либерманы уехали. Через какое-то время пришла открытка из Италии, скупая и красивая. Миша писал, что они учат язык и скоро поедут в Австралию.

– Почему в Австралию? Может, Австрию? – спрашивала в сотый, тысячный раз Тамара Павловна.

– Не знаю, – в тысячный раз отвечал Израиль Ильич.

Они перечитывали открытку каждый день. Ее видели все соседи. И никто не мог ответить на немой вопрос Израиля Ильича, где сейчас его мальчик, его гордость.

Лида в то время часто приходила к Либерманам. Тамаре Павловне она подарила красивый платок. Израилю Ильичу приносила свежий хлеб из булочной. Он почти перестал выходить из дома – сидел у телефона и ждал звонка из другой страны, хоть из Австрии, хоть из Австралии.

– Не звонил, – вздыхала Тамара Павловна, когда Лида приходила, чтобы передать колбасы или котлет из кулинарии.

Со временем Лида стала приходиться к ним все реже и не могла понять почему – ведь ей эти мелкие услуги ничего не стоили. Израиль Ильич всегда отдавал деньги за кефир или сыр, Тамара Павловна никогда не просила принести что-то тяжелое – картошку или капусту, например, только мелочи. Но Лида все равно страдала. Она чувствовала себя так, будто попала в рабство или устроилась еще на одну работу – нелюбимую, но необходимую.

Лида и сама не понимала, зачем ей вызов за границу. Это было смутное ощущение в душе – изменить все, пока не поздно, пока она еще может и хочет. Попытка заполнить пустоту, вырваться – не пойми куда, но вырваться. Лиду тошнило от дома, работы, квартиры. Ее тошнило от каждого нового дня, который был похож на предыдущий. И следующий будет точно таким же. Она готова была завить от тоски.

Все ведь было хорошо – как у всех и даже лучше. Лида, красавица удивительная, могла рассчитывать на блестящую жизнь, а оказалась здесь, в этой хоть и новой, но тоскливой серой девятиэтажке на краю Москвы, в стандартной квартире с маленькой кухонькой, вдвоем с сыном, которого она любила, но уже давно не понимала и не пыталась понять. Она бы уехала к черту на кулички, если бы могла. Лишь бы не здесь, не в этом доме. Лишь бы начать все сначала.

Зачем она все это устроила – свой собственный маленький ад? Медленно, каждый день поджаривала себя на углях. За какие грехи? В чем она была виновата?

Лиде нравилось, что она такая замкнутая, красивая, не такая, как все. Она не хотела, чтобы соседи лезли в душу. Не собиралась заводить друзей и подруг. Зачем? Языками молотить и советы слушать? Она обложила себя броней, пуленепробиваемым стеклом и жила в этой капсуле – одинокая, независимая, холодная. Только этот дурак Мишка что-то в ней почувствовал. Разглядел живое начало. Или просто пьяный был?

Лида не всегда была такой замороженной. Да, она прекрасно знала, что тетя Рая именно так ее и называет – замороженной рыбой. Когда-то, да совсем недавно, если разобраться, Лида

была веселой, шепутной красоткой, с большими амбициями и колоссальной, уникальной для женщины уверенностью в себе и в своем будущем. Еще в институте она перебирала поклонников, но не устояла перед высоким, красивым как бог Пашкой. Тот был не из Москвы, из Новосибирска. Говорил смешно, одевался просто, но пользовался своей красотой. Лида смотрела на него и не могла понять, как у мужчины могут быть такие волнистые, густые волосы и такие неприлично голубые глаза. Лида сама вышла за него замуж. Она его выбрала и предложила себя. Пашка не отказался. Валерка родился почти сразу. Тоже редкий случай – он оказался похож на мать.

Потом были суматошные годы семейной жизни – прописка Пашки в Москве, мучительный размен родительской квартиры Лиды, ссоры с родителями, не одоббившими зятя, примирения, поиски работы, очередь на кооператив и, наконец, переезд сюда, в новый долгожданный дом. Только уже без Пашки.

Для Лиды измена мужа не стала страшным ударом или откровением. Она спокойно перенесла бы его роман на стороне, закрыла бы глаза. В принципе ей было наплевать на то, кто с кем спит, включая мужа, – она была слишком уверена в себе и знала, что Пашка от нее никуда не денется. От таких женщин, как она, не уходят. Изменяют, но не уходят. Это она может уйти, а он – никогда. Но вот чего она никак не могла понять и никак не ожидала, с чем не смогла смириться и что резануло ее так больно – так это то, что Пашка уйдет к ее собственной двоюродной сестре, которую Лида никогда ни во что не ставила и к которой относилась в лучшем случае с жалостью. Она не могла предположить, что он не просто изменит, а влюбится по-настоящему, с той силой, которую Лида никогда не знала. Сестра, Ирина, появлялась на всех праздниках и потом пропадала. Эта тихая женщина, с точки зрения Лиды, не могла вызвать такое сильное чувство, как любовь. И уж точно к ней нельзя было вспылать страстью. ТАКАЯ женщина могла вызвать только жалость.

Ира ходила в длинных вязаных юбках в пол, неумело скрывая свои некрасивые, полные ноги. Она никогда не пользовалась косметикой, не красила волосы, ничего с собой не делала. Заматывала хилый пучок на затылке, подбирала невидимками с боков и всё – уже готова. Потрескавшиеся губы, невыщипанные брови, маленькие, глубоко посаженные глазки. Лида часами рассматривала фотографии с семейных торжеств, на которых эта двоюродная сестра оказывалась в самом дальнем ряду, пятно, а не лицо, и ничего, ну ничего привлекательного в ней не видела. Одни недостатки. Помыть, покрасить, переодеть, и то не факт, что что-то приличное получится – тетка и тетка, каких тысячи. Ну почему она вечно ходит в этих трикотажных юбках, обтягивающих крутые бока? Юбки Лиду особенно раздражали, прямо до истерики доводили. По сравнению с Лидой Ира была никем. Вот это и ударило по Лидиному самолюбию, женской сущности. Как мог Пашка уйти к *этой*? Если бы он изменил ей с молодой красавицей или польстился на деньги, карьеру, положение, Лида бы его поняла. Но тут она отказывалась понимать. О том, что Пашка бросил не только ее, но и сына, Лида даже не подумала. Валерка в этой связке отсутствовал.

Но это было потом, много позже, когда уже все было кончено – и семейная жизнь, и вообще какие-либо отношения. Лида ложилась спать, закрывала глаза и представляла себе лица Паши и Иры. Изводила себя воспоминаниями, от которых не могла избавиться. Каждый вечер, каждую ночь она вытаскивала из памяти – по крупичкам, по обрывкам, все, что было связано с *ним* и с *ней*. Эта привычка, как счет овец перед сном, граничащая с мазохизмом, стала для Лиды ритуалом – изматывающим, вытягивающим всю душу.

Она не могла простить мужу то, *как* он ушел. Пашка тогда пропал. Не вернулся из института, где работал младшим научным сотрудником. Лида даже не начала беспокоиться, и на следующий день сердце не дрогнуло. Он и раньше пропадал у друзей на пару дней. Только через неделю она позвонила в институт и попросила Пашу к телефону. Но какая-то дура лаборантка повесила трубку, и больше к телефону никто не подходил. Лида поехала в институт,

однако дальше проходной не прошла. Институт, в котором работал Пашка, был закрытым – никакой информации, никаких посторонних. Лида устроила скандал, показывала паспорт с печатью загса, но ничего не добилась. Ей даже не сказали, ходит Пашка на работу или нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.